

Въ эту сумму, какъ надо отмѣтить, вошелъ и Августѣйшій даръ. Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ (нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ), „глубоко сочувствуя мысли о сооруженіи въ Москвѣ памятника Н. В. Гоголю“, 17 октября 1890 года, соизволилъ назначить свой вкладъ къ тысячу рублей, который съ глубочайшею благодарностью и былъ полученъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности.

IV.

Успѣшно возраставшій сборъ на Гоголевскій памятникъ постепенно возбуждалъ важную мысль: гдѣ же, среди Москвы, найдется наиболее удобное мѣсто для увѣковѣченія памяти великаго писателя? Среди образованной публики и въ печати, чуть ли не съ первыхъ дней подписки на памятникъ, стали намѣчаться нѣкоторые пункты, гдѣ было бы умѣстно соорудить такой монументъ.*

Прежде всего называли *Лубянскую площадь*, какъ центральный, весьма видный пунктъ нашей древней столицы. Не подлежало спору, что эта мѣстность находится въ центрѣ нѣсколькихъ улицъ (Никольская, Театральная провѣздъ, Софійка, Большая и Малая Лубянки, Мясницкая и два провѣзда мимо дома Человѣколюбиваго Общества); открытый со многихъ сторонъ видъ этой площади уже давно манилъ поставить здѣсь какой-нибудь величественный памятникъ: такъ еще въ 1870 году *Современныя Извѣстія* предлагали тутъ соорудить монументъ „первопечатнику Ивану Федорову“, а въ 1889 году, по поводу трехсотлѣтія Куликовской битвы, *Московскія Вѣ-*

* Разборъ этихъ „пунктовъ“ былъ сдѣланъ нами въ *Русской Мысли* (1890 г., кн. 6) и теперь приводится съ новыми дополненіями.

домости приглашали почтить память великаго князя Дмитрія Донскаго устройствомъ на томъ же мѣстѣ часовни или статуи героя-побѣдителя Татаръ. Однако, при всемъ своемъ преимуществѣ—особенно „центральнойности“, Лубянская площадь менѣе всего подходила къ сооруженію на ней памятника Гоголя: *между этою площадью и дѣятельностію нашего великаго писателя не оказывалось никакой внутренней связи.*

Въ послѣднемъ отношеніи представлялось болѣе важнымъ другое мѣсто—*Театральная площадь*. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же, какъ не здѣсь, вблизи трехъ театровъ (Большаго, Малаго и Новаго), среди зелени сквера, должно было бы видѣться дорогое изображеніе того, кто далъ русской сценѣ знаменитую комедію и выяснялъ высокое значеніе театра, называя его „каедрою, съ которой можно много сказать міру добра“? * Между тѣмъ, выбору и этой мѣстности мѣшали два обстоятельства. Съ одной стороны, три названные театра, обступавшіе площадь, своею высотой несомнѣнно уменьшали бы размѣръ поставленнаго памятника и лишали его полного эффекта, подобно тому, какъ большое новое зданіе Московскаго Университета, также окружающее съ трехъ боковъ площадку двора, уничтожаетъ видъ Ломоносовскаго бюста. Съ другой стороны, Театральная площадь служить до сихъ поръ мѣстомъ военныхъ парадовъ, а потому трудно было ожидать, чтобы военное вѣдомство—владелецъ этого плаца—согласилось уступить хотя и половинную площадь.

Послѣ двухъ названныхъ мѣстностей публика и печать останавливали вниманіе на третьемъ пунктѣ Москвы—на концѣ *Страстного бульвара*, выходящемъ прямо къ Пушкинскому

* *Сочиненія Н. В. Гоголя*, М. 1880 г., т. IV, стр. 618.

памятнику. И это мѣсто, подобно Театральной площади, по своему внутреннему значенію, должно было бы считаться весьма желательнымъ для сооруженія на немъ памятника Гоголю. Кому неизвѣстно, какъ блестящій высоко чтить и внимательно выслушивать совѣты великаго поэта? „Ничего,—писалъ онъ послѣ смерти Пушкина,—не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Чтѣ скажетъ онъ, чтѣ замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ чтѣ меня только занимало и одушевляло мои силы“. * Значить, постановка фигуры Гоголя противъ задумчиваго облика Пушкина вѣчно служила бы самымъ рельефнымъ обозначеніемъ той связи, какая при жизни соединяла двухъ гениальныхъ представителей нашей литературы. Но для выполненія этой прекрасной цѣли указывались и препятствія: это—узость бульвара въ названномъ пунктѣ и близкое сосѣдство будущаго памятника со Страстнымъ монастыремъ.

Съ тою же цѣлью соединить памятники двухъ писателей нѣкоторые Москвичи стали указывать на новое мѣсто—на возвышенный край *Рождественскаго бульвара*, двумя уступами склоняющійся къ Трубнои площади. Если—говорили эти лица—въ ясный день стать на концѣ улицы Петровки, примыкающей къ Страстному бульвару, то въ лѣвой сторонѣ рельефно выступитъ бюстъ Пушкинскаго памятника, а направо будетъ видѣться, на возвышеніи Рождественскаго бульвара, фигура Гоголя. Безспорно, и это симпатичное соображеніе о видимой близости двухъ памятниковъ, и самая мѣстность по своему оригинальному расположенію—могли побудить къ вы-

* *Записки о жизни Н. В. Гоголя*, Спб. 1856 г., т. I, стр. 195.

бору названнаго пункта для Гоголевскаго монумента. Однако, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что почва возвышеннаго края Рождественскаго бульвара не настолько крѣпка, чтобы выдержать грандиозное сооруженіе: для укрѣпленія ея подъ памятникъ Гоголя пришлось бы сдѣлать значительныя затраты времени и средствъ.

Наконецъ, отыскались еще два подходящія мѣста, сосѣднія другъ съ другомъ: это—*Никитскій бульваръ* и *Арбатская площадь*. Съ первымъ изъ нихъ связаны воспоминанія о предсмертныхъ годахъ Гоголя (1849—1852 гг.): здѣсь, у названнаго бульвара нашъ писатель жилъ въ семьѣ гр. А. П. Толстаго, нанявшаго квартиру въ домѣ Талызина (нынѣ—Н. А. Шереметевой), * здѣсь же онъ и скончался... Казалось, какъ хорошо было бы увѣковѣчить памятникомъ эту мѣстность! Вѣдь справедливо сказалъ Гѣте: „Священно мѣсто, гдѣ жилъ великій человѣкъ“... Но окончательно выбору этого пункта мѣшала самъ же Никитскій бульваръ: оба его конца—отъ Большой Никитской улицы и отъ Арбата—упираются въ большіе частные дома, а своею серединой онъ представляетъ неправильную дугу. Для постановки памятника слѣдовало бы разбить среди бульвара широкую площадку и обратить лицо Гоголевской статуи къ дому, гдѣ нашъ великій писатель провелъ свои послѣдніе дни, то-есть опять-таки пришлось бы съ довольно значительными расходами предварительно приспособить эту мѣстность для монументальной постройки.

Наиболѣе же удобною мѣстностью для Гоголевскаго памятника, въ заключеніе всѣхъ розысковъ, представлялась многимъ знатокамъ столицы—*Арбатская площадь*, почти гранича-

* См. *Русскій Архивъ* 1864 г., вып. II, стр. 177.

щая съ Никитскимъ бульваромъ: по своему, очень удобному расположенію и, пожалуй, потому, что чрезъ нее Гоголь обычно направлялся на Дѣвичье Поле то къ М. П. Погодину, то въ церковь Саввы,—она, казалось, предпочтительнѣе, чѣмъ другіе пункты Москвы, достойна была украситься памятникомъ въ честь великаго писателя, но при двухъ необходимыхъ условіяхъ: при полномъ уничтоженіи или при отнесеніи въ другое мѣсто находящагося на ней городскаго колодца и при разведеніи вокругъ будущаго монумента хотя небольшого сквера, который могъ бы называться „Гоголевскимъ садомъ“.

Вотъ какіе „уголки Москвы“ для постановки памятника Гоголя ясно обозначались къ первому десятилѣтію со дня открытія „повсемѣстной подписки“. Обществу Любителей Россійской Словесности предстояло: или выбрать одинъ изъ нихъ, или отыскать новое, еще лучшее мѣсто среди столицы.

V.

Видя постепенно возраставшій „Гоголевскій капиталъ“, Общество Любителей Россійской Словесности, въ засѣданіи 6 октября 1890 года, по предложенію своего предсѣдателя Н. С. Тихонравова, нашло благовременнымъ учредить особый „Комитетъ по сооруженію памятника Н. В. Гоголю“, подъ предсѣдательствомъ Московскаго Генераль-Губернатора, въ составѣ членовъ—должностныхъ лицъ Общества (предсѣдателя и его товарища, секретаря и его товарища, казначея), Московскаго Губернатора, Московскаго городского головы, Московскаго губернскаго предводителя дворянства, попечителя Московскаго Учебнаго Округа и двухъ действительныхъ членовъ Общества—Д. В. Григоровича и Г. П. Данилевскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено: ходатайствовать о принятіи означен-

наго Комитета подъ высокое покровительство Государя Наслѣдника Цесаревича.

Такое важное постановленіе Общества, пройдя всѣ необходимыя инстанціи, довольно скоро получило весьма счастливый результатъ: Государь Императоръ Александръ III, въ 27 день декабря 1890 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ подъ высокое покровительство Его Императорскаго Высочества учрежденнаго при Обществѣ Любителей Россійской Словесности Комитета по сооруженію въ Москвѣ памятника писателю Гоголю. Разрѣшеніе же открыть этотъ Комитетъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ (главнымъ образомъ—по причинѣ болѣзни и затѣмъ смерти самаго важнаго дѣятеля—Н. С. Тихонравова), послѣдовало спустя почти три года съ половиною, а первое собраніе членовъ Комитета * состоялось 6 апрѣля 1896 года подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Московскаго Генераль-Губернатора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича. Въ этомъ засѣданіи, кромѣ доклада о размѣрахъ Гоголевскаго капитала, были одобрены два мѣста для постройки памятника, описанныя выше: возвышенный конецъ Рождественскаго бульвара, примыкающій къ Трубнои площади, и, какъ болѣе желательный пунктъ—Арбатская площадь.

На ходатайство Комитета объ этихъ двухъ мѣстахъ для Гоголевскаго памятника послѣдовало Высочайшее соизволеніе: соорудить памятникъ писателю въ Москвѣ на Трубнои или Арбатской площади, но окончательный выборъ одной изъ этихъ мѣстностей предоставить Комитету по соглашенію съ Московскимъ Город-

скимъ Управленіемъ. Вслѣдствіе этого Московская Городская Дума распорядилась произвести почвенное разслѣдованіе обѣихъ мѣстностей, которое, между прочимъ, показало, что „возвышенный конецъ Рождественскаго бульвара представляетъ на сыпной грунтѣ въ четыре аршина, а потому признала наиболѣе удобнымъ мѣстомъ Арбатскую площадь и въ засѣданіи 29 февраля 1900 года постановила уступить на этой площади участокъ земли для Гоголевскаго памятника.

* За смертью Г. П. Данилевскаго, въ члены Комитета былъ избранъ А. А. Потѣхинъ и, кромѣ того, приглашенъ гофмейстеръ В. К. Истомина.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе „на утвержденіе выкипировки части плана города Москвы, составленной въ соотвѣтствіе предположенію Московской Городской Думы объ устройствѣ на Арбатской площади памятника Н. В. Гоголю“. Послѣ того, 23 мая 1901 года состоялось второе собраніе Комитета по сооруженію Гоголевскаго памятника. * Въ этомъ засѣданіи были намѣчены „условія на составленіе проекта памятника“, которыя затѣмъ появились во всѣхъ періодическихъ издавіяхъ и отдѣльными оттисками. На такой призывъ Комитета, къ 30 декабря прошлаго года, откликнулись многіе художники, представившіе свыше сорока моделей будущаго памятника Н. В. Гоголю.

Ко дню пятидесятилѣтія кончины Гоголя оставалось ожидать безпристрастнаго приговора Комитета о результатѣ конкурса на памятникъ великаго русскаго писателя. Такое постановленіе теперь уже совершилось: въ третьемъ собраніи, 14 февраля текущаго года, Комитетомъ удостоены премій четыре проекта памятника Гоголю.

С. О.

* Вмѣсто умершаго Д. В. Григоровича, въ члены Комитета предложенъ Н. А. Чаевъ. Кромѣ того, приглашены членами Комитета: А. А. Пушкинъ, П. В. Жуковскій и И. О. Тютчевъ.